

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Л. И. ЛАВРОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАБАРДИНЦЕВ И ЗАСЕЛЕНИЕ ИМИ НЫНЕШНЕЙ ТЕРРИТОРИИ

Вопрос о происхождении кабардинцев — это вопрос о том, когда и как они выделились из общей массы адыгского народа и превратились в самостоятельную народность.

Нынешнее название кабардинцев, очевидно, не является очень древним. В исторических документах термин «кабардинцы» применительно к достоверным предкам этого народа впервые встречается в середине XV в. в сочинении Иосафата Барбаро. Этот автор говорит, что народ Кевертеи (Cheverthei) обитает на Северном Кавказе между темиргоевцами (Sobai) и осетинами¹.

Существуют разные мнения о происхождении этого термина. Народные предания производят его от имени феодала Кабарды Тамбиева². Некоторые исследователи пытались объяснить его при помощи грузинского языка, где этот термин означает «в сторону», и при помощи чеченских слов «береговая полоса»³. Надуманность грузинского перевода и отсутствие исторических условий, при которых кабардинцы смогли бы себя назвать чеченским термином, заставляют отказаться от подобных попыток.

Совершенно неубедительно утверждение акад. Н. Я. Марра, будто в основе названия Кабарды лежат древние этнические термины «сармат» и «киммер»⁴.

Широкое распространение имеет гипотеза, согласно которой кабардинцы происходят от народа «кабары», жившего на территории Хазар-

¹ «Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина», «Библиотека иностранных писателей о России», т. 1, СПб., 1836, стр. 45.

² J. Klapproth, *Reise in den Kaukasus und Georgien*, Bd. I, Halle und Berlin, 1812, стр. 563; «Кабардинские предания, сказания и сказки, записанные по-русски», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (в дальнейшем цит.—СМОМПК), вып. XII, Тифлис, 1891, стр. 13—20; М. Ермоленко, Предание о кабардинцах Северного Кавказа, Труды Ставропольской архивной комиссии, вып. V, Ставрополь, 1913, стр. 1—2; его же, Предания и легенды ушей Кабарды и Балкарки центральной части Северного Кавказа, Нальчик, 1929, стр. 16—18; «Кабардинский фольклор», Изд. «Asadetiā» М.—Л., 1936, стр. 145—155.

³ И. А. Гильденштедт, Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, СПб., 1809, стр. 139; К. Ф. Гап, Опыт объяснения кавказских географических названий, СМОМПК, вып. XXXX, Тифлис, 1909, стр. 66—67.

⁴ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 159—160.

ского каганата⁵. Кроме созвучия имен «кабары» и «кабардинцы», никаких других аргументов в пользу этой гипотезы нет. Так как известно, что кабардинцы и адыгейцы являются древнейшим населением северо-западного Кавказа, а кабары жили не на Кавказе, а севернее его, примерно в бассейне р. Дона, то сторонники кабарской гипотезы создали миф о переселении кабардинцев сперва на север, а потом снова на Кавказ. Чтобы поверить в такие «прогулки» народа, надо допустить, что он вел кочевой образ жизни. Но исторические, археологические, лингвистические и этнографические свидетельства доказывают, что адыги, в том числе и кабардинцы, являются носителями древней земледельческой культуры⁶ и в раннем средневековье были оседлыми. Сторонники кабарской гипотезы закрывают глаза на сообщения источников о родстве кабаров с хазарами, которые были тюрками по языку и происхождению. Было бы нелепостью предполагать, что кабардинцы тюркского происхождения, а не плоть от плоти и кровь от крови адыгов северо-западного Кавказа. Сторонники кабарской гипотезы, опираясь на одно лишь внешнее сходство этнических названий, даже не попытались объяснить, почему в слове «Къэбэрдэй» появился звук «д», отсутствующий в названии кабаров. Без объяснения причин усложнения корня в производном слове указанная теория лишается и лингвистической правдоподобности.

Л. М. Меликсет-беков считает, что термины «Кабарда» и «Теберда» имеют нечто общее с таким географическим названием в Закавказье, как «Алаверды»⁷. Автор, к сожалению, ограничился лишь констатацией генетической связи, но не раскрыл ее.

Нам кажется, что связь «Къэбэрдэй» с «Алаверды» действительно существует, но это не означает, что имя кабардинцев произошло от названия известного металлургического центра в Закавказье или наоборот. Общее у них лишь то, что вторая часть каждого из этих терминов является тюркским словом «берды» (вариант: «верды»), означающим 3-е лицо единственного числа прошедшего времени от глагола «давать». «Алаверды» буквально означает «бог дал» или иначе — «богом данный». Во времена господства Золотой орды, а также во времена существования на Северном Кавказе больших масс ногайского населения у горских народов часто встречались личные имена с частицей «берды»: Берды-бий, Берды-бек, Бий-берды, Худу-берды и т. д. От личных имен образовывались фамилии и названия целых племен и других групп населения. Так от личного имени Бий-берды (известного у адыгов в XV в.) образовалась фамилия абазинских князей Бибердовых и наименование абазин-бибердовцев.

В порядке предположения допустимо считать, что слово «Къэбэрдэй» также содержит частицу «берды», взятую из тюркских языков. Смысл начального «къэ» пока остается неясным.

Термин «Къэбэрдэй» оформлен окончанием «эй», являющимся покажателем принадлежности. «Къэбэрдэй» — это то, что принадлежит Ка-

⁵ П. Б у т к о в. О имени козак, «Вестник Европы», 1822, № 23, стр. 190; С у м, Историческое рассуждение о хазарах, М., 1846, стр. 64; «Черкесы, казаки и адехе», «Русский вестник», 1863, декабрь, стр. 861; Ф. Б р у н, Черноморье, ч. 1, Одесса, 1879, стр. 114; К. Ф. Г а н, Указ, соч., стр. 67; Г. А. К о к и е в, Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев), Нальчик, 1946, стр. 15, 19; е г о ж е, Краткий исторический очерк Кабарды, Сб. «Кабардинская АССР», Нальчик, 1946, стр. 22; Г. Ф. Т у р ч а н и н о в, Язык, письменность, печать, «Кабардинская АССР», стр. 259; Н. Ф. Я к о в л е в, Тезисы диссертации «Грамматика кабардино-черкесского языка», «Ученые записки Кабардинского научно-иссл. ин-та», т. II, Нальчик, 1947, стр. 293.

⁶ См. Л. И. Л а в р о в, Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII века, «Материалы по истории земледелия СССР», Сб. 1, М., 1952.

⁷ Л. М. М е л и к с е т - б е к о в, К скифской проблеме, в связи с вопросом о саках, кассах и берах, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. VII, Тбилиси, 1937, стр. 546.

бердыю. Поэтому народное толкование термина «Къэбэрдэй» как производное от личного имени является более реальным, нежели предположения историков.

Если это так, то «Къэбэрдэй» как этническое имя могло появиться лишь тогда, когда на Северном Кавказе крупную роль играли тюркоязычные народы и когда у предков кабардинцев уже складывались феодальные отношения. Сказанное согласуется с отсутствием в документах до середины XV в. нынешнего названия кабардинцев. Нет оснований предполагать, что оно появилось раньше XII—XIV вв.

Были ли кабардинцы исконным населением территории Кабардинской АССР или же они появились здесь на смену другому народу?

Ответить на этот вопрос проще, чем на предыдущий. Давно установлено, что до кабардинцев здесь жили аланы, говорившие на языке, близком нынешнему осетинскому. Об этом еще в середине XVIII в. впервые писал Вахушти⁸. Так как доказательства проживания алан на запад от нынешней Осетии не раз публиковались⁹, нет нужды их здесь повторять.

Труднее ответить на вопрос: откуда пришли предки кабардинцев на территорию Кабардинской АССР.

Существующие предания рассказывают о переселении с Ближнего Востока. При этом в них говорится, что, попав на Кавказ, кабардинцы сперва жили на побережье Черного моря в районе Геленджика или Анапы или Кызылташского лимана на Таманском полуострове. Одни предания утверждают, что кабардинцы и бесленеевцы переселились на нынешние свои места непосредственно с Черноморского побережья, а другие указывают еще промежуточные места временного поселения их в Крыму, у Дона и т. д.

Если обратиться к сочинениям историков, то оказывается, что наибольшее распространение имеет гипотеза о многочисленных миграциях кабардинцев¹⁰. Согласно этой гипотезе, кабардинцы, прежде чем попасть из Прикубанья на территорию Кабардинской АССР, некоторое время обитали в Крыму, потом на северном берегу Азовского моря или же в бассейне Дона, или, наконец, на берегах р. Егорлыка.

Однако все варианты этой гипотезы основаны на некритическом использовании данных фольклора, топонимики и памятников материальной культуры. Так, основанием для предположения, что кабардинцы жили в Крыму, послужили: упоминание об этом в некоторых преданиях и существование там речки Кабарды и развалин средневекового поселения, известного под именем Черкес-кермен. Но топонимика только тогда становится надежным историческим источником, когда из нее берут не единичные факты, а такие, которые имеют более или менее широкое распространение. Принимать два географических названия — р. Кабарду

⁸ Царевич Вахушти, География Грузии, «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. XXIV, вып. 5, Тифлис, 1904, стр. 153.

⁹ В. Миллер, Осетинские этюды, ч. 3, «Ученые записки Моск. ун-та, Отдел ист.-филол.», вып. 8, М., 1887; В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949; Б. Скитский, Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г., «Известия Северо-Осет. научно-иссл. ин-та», т. XI, Дзауджикау, 1947.

¹⁰ П. Бутков, Указ. соч., стр. 190—191; Дюбуа де Монперэ, Путешествие вокруг Кавказа, т. I, Сухуми, 1937, стр. 23; Черкесы, казаки и адыгеи, стр. 862; Ф. Брун, Указ. соч., ч. I, стр. 114—119; Труды XII Археол. съезда в Харькове, т. III, М., 1905, стр. 316—318; Ф. А. Щербина, Естественно-исторические условия и смена народностей на Кубани, Екатеринодар, 1906, стр. 148; А. Лещенко, Из истории украинской колонизации Кубани, Труды Кубанского пединститута, т. I (IV), Краснодар, 1930, стр. 129; Л. Лопатинский, Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности, СМОМПК, вып. XII, 1891, стр. 3; Г. А. Кокиев, Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев), стр. 19, 33, 34, 36; его же, Краткий исторический очерк Кабарды, стр. 22, 25.

и Черкес-кермен — за доказательства кабардинских миграций — это то же самое, что предполагать в прошлом китайское население в Москве с ее Китай-городом или русское население в бывшем Урусбиевском ауле в верховьях р. Баксана. О чем обычно говорят единичные случаи географических названий, имеющих этническое содержание? Самое большое — они могут быть памятниками исторических связей, некогда существовавших у населения данной местности с тем населением, имя которого эта местность носит.

Крым принадлежит к числу тех территорий СССР, исторические судьбы которых сравнительно хорошо освещены письменными документами. То, что в этих документах нет и намёка о заселении Крыма в какую бы то ни было эпоху кабардинцами, заставляет не верить доводам сторонников теории проживания кабардинцев в Крыму. Есть множество фактов, свидетельствующих о мирных связях кабардинцев с населением Крыма и о вооруженных столкновениях между ними. Эти отношения длились веками, и нет ничего удивительного в том, что некоторые географические названия в Крыму имеют черкесско-кабардинский характер (как и в том, что в Кабарде и Закубанье ряд названий местностей напоминает о Крыме).

О том, что кабардинцы одно время обитали на северном берегу Азовского моря, исследователи заключают на основании показаний средневековых итальянских карт. Так, еще в 1863 г. безымянный автор писал, что «в татарский период... кабарды вышли опять из Крыма на северный берег Азовского моря. На карте Фредуция Анконского... в 1497 году... показаны кабарды на берегу моря на правой стороне Дона»¹¹. С тех пор историки постоянно ссылаются на средневековые итальянские карты, чтобы доказать переселение кабардинцев на Кавказ с северного Приазовья. Действительно, на картах XIV, XV и XVI вв. западнее устья Дона встречается название «Кабарди» (Cabardi). Под этим названием на картах указана не область, а населенный пункт или, скорее, стоянка кораблей на месте нынешнего города Таганрога. Не подлежит сомнению, что географические названия механически переносились с более ранних карт на более поздние и при этом нередко допускались описки. В этом отношении существенно отметить, что слово «Кабарди» впервые можно прочесть лишь на карте Анцелино Дульцера, составленной в 1339 г. На карте Перринуса Висконта, составленной в 1327 г., на месте Таганрога указано не Кабарди, а какое-то другое название, начало которого попорчено временем. Разобрать его уже нельзя, но ясно читается окончание: «пали» (...pali). На карте Петра Висконта 1318 г. этот же пункт назван «Кабали» (Cabali). Таким образом, на более ранних картах, послуживших первоисточником для карт 1339 и более поздних годов, вместо «Кабарди», стоит термин, который слишком рискованно связывать с именем кабардинцев. Заметим, что на более поздних картах, как, например, на римской карте, изданной в 1601 г., пункт Кабарди превратился в «Табарди» (Tabardi)¹². Даже если допустить, что правильным названием этого пункта было не более ранее «Кабали» или «Капали», а «Кабарти», то и в этом случае название мелкого населенного пункта в северном Приазовье не может служить доказательством проживания там целого народа. Таким образом, гипотеза о переселении кабардинцев из северного Приазовья не представляется убедительной.

Г. Ф. Турчанинов высказал предположение, что кабардинцы до переселения на территорию Кабардинской АССР жили в северной части Ставропольского края. К этому выводу он пришел на основании старинной надписи на каменном кресте у села Преградного. По его мнению, эта

¹¹ «Черкесы, казаки и алехе», стр. 862.

¹² A. E. Nordenskiöld, *Periplus, an essay on early history of charts and sailing-directions*, Stockholm, 1897, стр. 70 и таблицы VI, VII, IX, XII и сл.

надпись начертана древнерусскими буквами на кабардинском языке¹³. Об этой надписи мы знаем только по рисунку, который был сделан с нее в 1805 г. П. Бутковым. Она была настолько попорчена временем, что П. Бутков смог зарисовать лишь ее обрывки. П. Бутков и другие признали ее текст русским¹⁴. Г. Ф. Турчанинов, сделав необоснованные изменения в копии П. Буткова, предложил считать ее кабардинской. Но если сама копия П. Буткова является очень гипотетической, то после произвольных изменений ее Г. Ф. Турчаниновым она безусловно стала еще более далекой от подлинника. Преградненская надпись — слишком сомнительный источник, чтобы на его основании делать серьезные исторические выводы.

О кабарской гипотезе переселения кабардинцев с севера мы уже говорили выше.

Таким образом, все гипотезы о проживании кабардинцев в Крыму, на северном берегу Азовского моря, на севере Ставрополя и где-то в Придонуе не выдерживают критики и должны быть раз и навсегда оставлены историками.

Лингвистические, этнографические, археологические и антропологические материалы свидетельствуют о том, что кабардинцы и адыгейцы некогда составляли один народ — адыге. Так как известно, что адыги являются древнейшим населением Прикубанья, то и местожительство кабардинцев до их переселения на восток нужно искать в Прикубанье. Поскольку кабардинский язык (особенно в его старом слое) и родственной ему бесленеевский диалект имеют черты сходства (особенно в фонетике) с шапсугским диалектом адыгейского языка¹⁵, в порядке рабочей гипотезы можно предположить, что кабардинцы и бесленеевцы сперва обитали где-то по соседству с шапсугами, т. е. в низовьях р. Кубани. Характерно, что народные предания о переселении кабардинцев, хотя и расходятся в деталях, но единогласно считают Таманский полуостров и берега Черного моря древним местожительством предков кабардинцев.

К началу средневековья в степной полосе северо-западного Кавказа, по историческим документам, обитали меоты (т. е. адыги) и алано-сарматские племена. Эти источники говорят, что меоты жили на восток от Азовского моря и по нижнему течению р. Кубани, а алано-сарматские племена — восточнее меотов. Разница в погребальных обрядах, представленных в могильниках того времени, находящихся на запад от устья р. Лабы, с одной стороны, и на восток от него — с другой, побудила археологов высказать предположение, что к началу средневековья около устья р. Лабы проходила этническая граница, отделявшая меотское, т. е. адыгское, население от населения алано-сарматского. Могильники и селища начала средневековья по существу еще не исследованы, и мы лишены возможности определить этническую границу адыгов того времени по археологическим материалам. Письменные же документы указывают адыгов (зихов и касогов) только в западной части Северного Кавказа. В верховьях р. Кубани (на территории нынешнего Клухорского района) письменные источники, начиная с IV в., помещают алан.

Лингвистический анализ географических названий горной полосы на запад от нынешней Северо-Осетинской АССР показывает, что осетинские названия рек, гор, перевалов и урочищ в очень большом числе распространены по всей горной части Кабардинской АССР, Ставропольского

¹³ Г. Турчанинов, Эпиграфические заметки, «Известия АН СССР, Отд. литературы и языка», 1948, № 1, стр. 77—80.

¹⁴ П. Бутков, Нечто к слову о полку Игоря, «Вестник Европы», 1821, № 21, стр. 59—60.

¹⁵ Н. Яковлев, Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков, «Записки Северо-Кавк. краевого горского научно-иссл. ин-та», т. 1, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 123, 128.

края, Клухорского района Грузинской ССР и сопредельной части горной полосы Краснодарского края до верховий р. Лабы включительно. За р. Лабой осетинские географические названия сменяются адыгскими. Это доказывает, что здесь некогда жили люди, говорившие на осетинском языке, точнее, на его дигорском диалекте. Нельзя согласиться с В. И. Абаевым, когда он принимает за осетинские названия местностей, расположенных на запад от р. Лабы. Единственный приведенный им пример (Догуад)¹⁶ объясняется из адыгейского языка.

Таким образом, лингвистика дает возможность определить этническую границу адыгов и алан в раннем средневековье по верхнему течению р. Лабы. Так как археология позволила определить эту же границу по нижнему течению р. Лабы для более раннего периода (к началу средневековья) и так как нет никаких фактов, заставляющих предполагать возможность адыгского продвижения на восток от нижнего течения р. Лабы в начале средневековья, то в качестве гипотезы нужно принять, что в это время восточной границей адыгов являлись не только верховья р. Лабы, но и ее низовья. Когда в 568 г. византийский посол возвращался с берегов нижнего течения Волги в Абхазию через Клухорский район, то, согласно записи его современника Менандра, путь его лежал не через земли адыгов, а через территорию народа «угуров» (в степях северо-восточного Кавказа), а потом до самого перевала через территорию алан. Сообщение Менандра позволяет заключить, что в VI в. в районе верховий Кубани и восточнее ее адыгского населения еще не было.

Первым свидетельством появления адыгов на северо-западной границе нынешней территории Кабардинской АССР является Этокский памятник 1130 г.

Этокский памятник не похож на скульптурные могильные памятники степных кочевников юга СССР (так называемые «половецкие бабы»). Он является произведением местного кавказского мастера. По месту находки можно было бы думать, что это аланский памятник. Но против такого предположения говорит греческая надпись, в которой можно разобрать адыгское личное имя Мэмэмькьуэ (с характерным адыгским суффиксом «кьуэ», означющим «сын») и, возможно, адыгское «ц'эр» (слово «имя» в определенной форме), вставленные в греческий текст. Попытка Г. Ф. Турчанинова объявить кабардинской всю вторую половину почти не сохранившейся надписи не убедительна. Этокский памятник с остатками надписи свидетельствует о пребывании адыгов у северо-западных границ территории Кабардинской АССР в первой половине XII в. Не приходится сомневаться, что это были предки именно кабардинцев. Значит, продвижение кабардинцев на восток, в район Пятигорья произошло в промежутке между VI и XII вв. Так как до X в. аланы занимали на Северном Кавказе крепкие политические позиции, то кажется более правильным отнести продвижение кабардинцев до р. Этоки к X—XI вв. Дальнейшие археологические исследования должны уточнить или исправить эту датировку.

Говоря о причинах, толкнувших кабардинцев на переселение, некоторые авторы указывают на желание кабардинцев перехватить торговый путь из Абхазии через Клухорский перевал на Северный Кавказ¹⁷. Другие считают, что это произошло «под напором» хазар¹⁸. Критикуя последнюю точку зрения, Е. И. Крупнов правильно заметил, что «эти передвижения раньше всего происходили под влиянием не внешних, а внут-

¹⁶ В. И. Абаев, Указ. соч., стр. 285, 311.

¹⁷ Н. Яковлев, Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков, стр. 126—127; А. Н. Дьячков-Тарасов, Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ, «Новый Восток», кн. 28, М., 1930, стр. 155.

¹⁸ Г. А. Кокиев, Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев), стр. 34, 36; с его же, Краткий исторический очерк Кабарды, стр. 22.

ренных факторов феодального развития адыго-черкесо-кабардинского общества»¹⁹.

Нам кажется, что главной причиной переселения были не «напор» хазар (о нем ничего не известно) и даже не желание перехватить торговый путь, а возросшая потребность в пастбищных землях в связи с ростом феодальных отношений и вытекавшим из этого расширением феодального производства.

Прав Е. И. Крупнов, когда говорит, что «продвижение на восток адыгейских и иных племен протекало далеко не мирно. На это указывает, с одной стороны, топография позднеаланских городищ, густо расположенных у входов из горных ущелий и долин Северного Кавказа, зрительно связанных между собой, с другой стороны, целая цепь мелких сторожевых укрепленных постов, преграждающих подходы к городищам»²⁰. В дополнение к этому отметим, что документы X в. отражают частые войны и распри алан с касогами. О них говорят Константин Багрянородный и Масуди. Эти же войны чувствуются и в свидетельстве Кембриджской рукописи анонимного хазарского еврея X в.

Монголо-татарское нашествие в первой половине XIII в. внесло крупные изменения в этническую карту Северного Кавказа. Жившие в степях половцы подверглись настоящему истреблению. Об этом единогласно говорят русские, арабские, монгольские и западноевропейские источники. Современник нашествия ибн-Асир рассказывает, что монголо-татары, вступив в половецкие земли, «избили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою, и ею овладели эти татары». В другом месте у него сказано, что татары, придя к аланам и половцам, «бились с ними, пока не выгнали их из земли их, и ею овладели татары»²¹.

Встает вопрос: о каких болотах и вершинах гор, как убежищах половцев, говорит ибн-Асир? Очевидно, здесь имеются в виду заболоченные земли низовьев Терека и Сулака с одной стороны, и горы нынешних Дагестанской и Кабардинской АССР, — с другой. Именно в этих местах потом оказались современные кумыки (т. е. команы), балкарцы и карачаевцы. Сохранились небольшой словарь половецкого языка и несколько половецких текстов. Оказывается, что из всех позднейших тюркских языков наиболее близкими к половецкому являются языки кумыков, балкарцев и карачаевцев. Хотя исторические документы впервые упоминают балкарское население в горах Кабарды только с XIV—XV вв.²², трудно оспаривать, что оно туда попало еще в первой половине XIII в.

Монголо-татарскому нашествию подверглись и адыги. В конце 1237 г. полчища Бату совершили большой поход на адыгов, во время которого был убит князь последних по имени Тукар или Букан²³. После этого адыго-татарские отношения оставались весьма неопределенными. Ряд источников сообщает, что адыги были покорены татарами и время от времени платили им дань²⁴. Но есть сообщения и о том, что адыги про-

¹⁹ «Ученые записки Кабардинского научно-иссл. ин-та», т. I, Нальчик, 1946, стр. 349.

²⁰ Е. И. Крупнов, Краткий очерк археологии Кабардинской АССР, Нальчик, 1946, стр. 45.

²¹ В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 3; «Ученые записки Академии наук по I и 3 отделениям», СПб., 1854, стр. 659, 660, 663.

²² Л. И. Лавров, Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века, «Краткие сообщения Института этнографии», X, М.—Л., 1950, стр. 80—81, и сб. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 341—342.

²³ В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 37.

²⁴ И. де Плано Карпини, История монголов. В. де Рубрук, Путешествие в восточные страны, СПб., 1911, стр. 36, 94; В. Г. Тизенгаузен, Указ. соч., т. I, стр. 231 и т. II, стр. 15; Марко Поло, Путешествие, Л., 1940, стр. 265; Стефан Суюнийский, История князей Орбельян, М., 1883, стр. 24.

должали вести против них «малую войну», совершая частые нападения на татар²⁵.

Так как в руках алан находился Дарьяльский проход в Закавказье, то Золотая орда, стремившаяся овладеть им, была заинтересована в завоевании алан гораздо больше, чем в окончательном покорении адыгов. В результате завязалась длительная татаро-аланская война, в течение которой аланам пришлось оставить предгорную полосу и укрыться в горах. Плано Карпини рассказывает, что в 1246 г. пошел 12-й год с начала осады татарами какой-то горы у алан и татары все еще не могли ее взять²⁶. По словам Рубрука, в 1253 — 1255 гг. аланы продолжали мужественно сопротивляться татарам²⁷.

«Гора», из-за которой, по Плано Карпини, шла длительная война, являлась, очевидно, тем аланским городом, который в русских летописях именуется Тетяковым или иначе Дедяковым. Для овладения Дедяковым хан Менгитимур в 1277 г. собрал огромное войско. В составе последнего были и русские князья со своими дружинами, явившиеся по приказу хана. Дедяков был взят и сожжен, но в следующем году Менгитимуру снова пришлось послать на штурм этого города свои разноплеменные войска²⁸. События 1277 — 1278 гг. — это случайно сохранный летописью лишь один из эпизодов вытеснения алан монголо-татарами из северокавказских предгорий. Останавливаясь на этих событиях, мы имеем в виду показать, что во второй половине XIII в. степная полоса Кабардинской АССР и Ставропольского края оказалась покинутой прежним населением. Кабардинцы, против которых во второй половине XIII в. не было направлено острое монголо-татарской экспансии, имели возможность занять освобожденные земли.

Когда же произошло заселение кабардинцами территории Кабардинской АССР?

В литературе относят это событие чаще всего к XIV—XV вв., иногда ко второй половине XV в., а также к XV — XVI вв. Нам представляется, что все эти датировки нужно заменить второй половиной XIII в., когда уже были налицо условия для переселения кабардинцев. В пользу предлагаемой нами даты говорит, как нам кажется, русский летописный рассказ под 1319 г. о местоположении упомянутого выше города Дедякова.

В летописи сказано, что в 1319 г. Узбек-хан в городе «Титякове» убил тверского князя Михаила Ярославича, причисленного русской церковью к лику святых. В выписках из древней рукописи, хранившейся у Султан-Казы-Гирея, между прочим сказано, что Узбек-хан в 1319 г. находился в крепости Татар-туп, где он руководил фортификационными работами²⁹. Сопоставление этого сообщения с рассказом летописи наводит на мысль, что город Дедяков и нынешнее городище Татар-туп у ст. Эльхотово — одно и то же. Еще больше убеждают нас в этом слова летописи, что убийство князя Михаила произошло «за рекою за Теркою, под великими горами под Яскими и Черкасскими у града Титякова, на реце Сивинце, близ врат Железных»³⁰. Напомню, что «ясами» летопись именовала алан, а Железными Воротами назывались г. Дербент и Дарьяльское ущелье. Если бы здесь подразумевался Дербент, то в тексте не упоминались бы, как соседние горы «Яские и Черкасские», т. е. осетинские и адыгские. Значит,

²⁵ И. де Плано Карпини. В. де Рубрук, Указ. соч., стр. 66, 67, 88, 89; В. Г. Тизенгаузен, Указ. соч., т. I, стр. 231, 234; т. II, стр. 92.

²⁶ И. де Плано Карпини. В. де Рубрук, Указ. соч., стр. 42.

²⁷ Там же, стр. 88, 89 и 169.

²⁸ Полное собрание русских летописей, т. I, Изд. 2-е, стр. 525; т. VII, стр. 173—174; т. X, стр. 155.

²⁹ Ф. С. Гребенец, Курганы в окрестностях станицы Змейской, СМОМПК, вып. XLIV, Тифлис, 1915, стр. 3.

³⁰ Полное собрание русских летописей, т. X, стр. 184.

Дедяков или Тетяков нужно искать где-то по дороге к Дарьяльскому ущелью.

Из известных нам руин крупных средневековых поселений за р. Терекком вблизи Дарьяльского ущелья и недалеко от адыгских земель больше всего подходит городище Татар-туп на границе Кабарды и Осетии. Напрасно В. Миллер искал Дедяков на месте гор. Орджоникидзе³¹. Там не известно следов крупного средневекового центра. О Татар-тупе же (или иначе Верхнем Жулате) имеется немало исторических известий, показывающих, что он играл крупную роль в этой части Кавказа. Сейчас в Татар-тупе сохранился лишь одинокий минарет, но вот что рассказывает о его руинах турецкий путешественник XVII в. Эвлия-Челеби: «Видны остатки древних зданий. На дверях... сохранились надписи и даты... Когда смотришь на этот город с высоты, то видишь 800 старых зданий. По этим развалинам можно судить, что в древности эти здания красились разными цветами. Этот город можно восстановить, и он может превратиться в красивое место... Тут имеется своеобразное кладбище. На памятниках могил хорошим почерком написаны разные сказания...» и т. д. Эвлия-Челеби называет городище не Татар-тупом, а Ирак Дадыаном. Не исключено, что имя «Дадыан» стоит в связи с именем «Дедяков». В. Миллер правильно считает, что окончание «ков» есть осетинское «къау», означающее «населенный пункт».

Л. П. Семенов сообщает о Татар-тупе, что «местность, где находится городище, называется у осетин «Арджи нараг» («Теснина Арга»)»³². Нам представляется, что это название напоминает имя той маленькой речки Аджи, которая, как говорит русская летопись, протекает в ближайших окрестностях Дедякова. В летописи сказано, что тело убитого князя Михаила перевезли на арбе за речку «Аджь, еже зовется горесть», а оттуда повезли на Русь через «Мождъжчары»³³, т. е. бывший город Маджары, развалины которого находятся на берегу реки Кумы около сел. Прасковей. По-татарски «аджи» действительно означает «печаль» или «горесть». Но летописец, очевидно, переосмыслил по-татарски осетинское название «Арджи», так как мало вероятно, чтобы на исконно осетинской земле в начале XIV в. географические названия были татарскими.

Отождествлению Дедякова с Татар-тупом противоречат слова летописи о том, что Дедяков стоял на реке «Сивинце», т. е. Сунже. На Сунже нет для Дедякова подходящего городища, поэтому непонятными становятся слова о соседстве его с горами Черкасские. Мы склоняемся к мысли, что река Сивинца, или Сивинец, является ошибкой летописца, слышавшего о близости Дедякова к Сунже и желавшего расцветить житие святого князя Михаила большим числом подробностей.

Если ближайшие к Татар-тупу горы в 1319 г. были известны как осетинские (аланские) и «черкасские», то значит, заселение кабардинцами нынешней территории к этому времени уже произошло. Более того, название «Черкасские» горы могло употребляться лишь тогда, когда пребывание кабардинцев на новом месте перестало быть свежей новостью. Так мы приходим к убеждению, что кабардинцы заселили территорию Кабардинской АССР не позже второй половины XIII в., вскоре после ухода отсюда аланского населения.

Если в дальнейшем будет доказано, что Дедяков находился не на месте Татар-тупа, а на месте гор. Орджоникидзе или на р. Сунже, то и в этом случае все равно останутся в силе приведенные нами аргументы в пользу переселения кабардинцев во второй половине XIII в.

Некоторые исследователи высказывают предположение, что приходу кабардинцев на новые места не предшествовало массовое выселение алан

³¹ В. Миллер, Осетинские этюды, ч. 3, стр. 70.

³² Л. П. Семенов, Татартупский минарет, Дзауджикау, 1947, стр. 5.

³³ Полное собрание русских летописей, т. VII, стр. 196, 197.

и что, следовательно, имела место ассимиляция алан кабардинцами. Для суждения по этому вопросу еще нет достаточных данных и до накопления их любой ответ неизбежно будет слабо аргументированным.

В связи с переселением на широкие просторы предгорий Центрального Кавказа кабардинская верхушка получила возможность расширить свое животноводческое и отчасти земледельческое хозяйство. Это должно было сопровождаться ускорением прежде замедленных темпов развития феодальных отношений. Нужно ли после этого удивляться, что феодальные отношения у кабардинцев в XIX в. оказались более развитыми, чем у остальных адыгов?

Становление феодализма в условиях территориального обособления кабардинцев от родственных им адыгейских племен Прикубанья сопровождалось процессом складывания кабардинской народности. В противоположность адыгейцам, кабардинцы задолго до Великой Октябрьской социалистической революции успели выработать у себя некоторые элементы территориальной, экономической и культурной общности. Кабардинцы издавна говорят на языке, в котором существует меньше диалектных различий, чем в адыгейском языке. В то время как адыгейцы вплоть до XIX в. не имели возможности освободиться от племенных перегородок, кабардинцы в это время знали у себя границы только феодальных уделов.

Таков был главный итог переселения в этнической истории кабардинского народа.